

УДК 821.161.1 – Балтруш.09

В.В. Щербина

МЕТАФОРА В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ ЮРГИСА БАЛТРУШАЙТИСА В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ СИМВОЛИСТСКОЙ ПОЭЗИИ

Русский символизм, формировавшийся не только как система искусства, но и как система мировоззрения, стремился к созданию нового типа художественного мышления. Новые темы влекли за собой возникновение новых образов, призванные запечатлеть неповторимые мгновения жизни, ее безусловные мимолетности, чарующие движения души. Абстрактно-образная лексика стала стихией поэтических раздумий авторов. Характеризуя особенности словоупотребления в русской поэзии начала XX века, Н.А. Кожевникова отмечает: «Тенденция к абстрагированию во многом определяет своеобразие символизма, который не стремился к изображению мира в его конкретности, а искал универсальных закономерностей. Предмет символистов – не вещи, а идеи» [8, с. 8].

Символисты стремились размыть «вещное» в поэтическом образе, вывести его из сферы реальных связей и отношений и соотносить с чем-то идеальным. Одним из приемов символического преобразования мира стали для поэтов-символистов выразительные средства языка или тропы. Широкое использование разнообразных тропов, по мнению Н.А. Кожевниковой, во многом определило общий характер словоупотребления в поэзии начала XX века. По мысли М.Л. Гаспарова, к списку шести традиционных тропов символисты добавили «расширение значения, размывание его» [5, с. 16]. Подобное расширение значения позволяло любому слову становиться выразительным средством или тропом.

Поэзия Ю. Балтрушайтиса сложилась на почве творческого усвоения большой поэтической культуры. Поэт вошел в литературу, когда она уже опиралась на опыт старших символистов, принимая и переосмысливая законы, по которым они творили. Тематика, мотивная

© В.В. Щербина, 2019

<http://dx.doi.org/10.34142/2312-1076.2019.1-2.91-92.13>

структура, образные и стилистические особенности стихов раскрывают особенности художественного мышления Ю. Балтрушайтиса.

Общее количество работ, посвященных Балтрушайтису, не соответствует глубине идейно-художественного содержания его поэзии, пусть не громкой, но самобытной. Длительное время критические опыты поэта и его стихотворения оставались практически неизвестными и для литературоведов, и для читателей, и лишь в начале 80-х годов XX положение стало меняться. Б. Мерзвинските, проанализировав соотношенность творчества Балтрушайтиса и русского символизма, рассмотрела важную проблему взаимодействия двух разных культурных и поэтических традиций внутри одной художественной школы. В. Дауетите сделала акцент на характеристике критического наследия Балтрушайтиса и тех поэтических образов, которые объединяют статьи и рецензии поэта с его стихотворениями. В 1990-е годы было опубликовано несколько статей, посвященных анализу отдельных аспектов поэзии Балтрушайтиса: теме художника, использованию эпиграфа, принципам циклообразования в творчестве поэта. Одной из наименее изученных сфер творчества Балтрушайтиса остается художественный мир его поэзии. Вопрос о роли выразительных средств в его творчестве специально не рассматривался ни в одной публикации, посвященной поэзии Балтрушайтиса.

Цель данного исследования – выявить особенности использования метафоры в лирике Ю. Балтрушайтиса, определить ее роль в художественном мире поэта, обозначить сходство и различия использования метафоры в творчестве Ю. Балтрушайтиса и других поэтов-символистов.

Одинаковые темы, мотивы и образы постоянно варьируются в творчестве Балтрушайтиса, переходят из одной книги стихов в другую, но при этом не превращаются в штампы, а служат признаками своеобразного поэтического почерка. В. Дауетите справедливо отмечает: «Жизнеспособность постоянных образов и символов обуславливается степенью их вrastания в художественную ткань стихотворения. Лирический рисунок отнюдь не застывшая картина,

а постоянно возникающее и исчезающее видение. Это постоянное становление, прежде всего, фиксируется метафорой» [6, с. 187].

В своем стремлении к размыванию семантики слова, созданию ассоциаций, намеков и иносказаний символисты часто обращались к метафоре. В поэзии Балтрушайтиса можно выделить ключевые образы, которые непрестанно движутся, развиваются, превращаясь в своеобразные знаки художественного мира. Важная роль в формировании основных художественных образов принадлежит метафоре, во многом определяющей своеобразие поэтической интонации Балтрушайтиса. В художественном мире поэта можно выделить метафоры библейского происхождения и метафоры, основанные на параллели жизни человека и природы.

М.Л. Гаспаров справедливо отмечает: «Библейская и фольклорная символика были живы в сознании каждого человека европейской культуры любого времени» [5, с. 18]. Библейские легенды о сотворении мира, о рождении Христа, о его жизни, исполненной самоотречения и страстных муках, миф о потерянном рае, апокалипсические сюжеты стали основой многих стихотворений Балтрушайтиса.

Рассмотрим примеры метафор, принадлежащих к первой группе. Глубокая библейская метафора, отождествляющая зерно и душу человека, находит отражение во многих стихотворениях Ю. Балтрушайтиса. «Безмятежен и просторен / Мир в весенней тишине. / Много Пахарь бросил зерен, / Много ль будет на гумне» («Раздумье») [1, с. 51]. Тема диалектического единства двух полярных состояний – жизни и смерти, звучит в стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Вся мысль моя – тоска по тайне звездной...», которое является программным в поэтическом сборнике «Земные ступени». Метафора, воплощенная в образе зерна, символизирует единство и неразрывность цепи жизни: «Не дивно ли, что, чередуясь дремлет / В цветке зерно, в зерне – опять расцвет...» («Вся мысль моя – тоска по тайне звездной...») [1, с. 39].

В стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Древнее сказание» звучат отголоски библейской легенды о сотворении жизни на земле: «Вначале был лишь сон весенний / И тишина, / И не вскрывался трепет

тени / В судьбе зерна... / Но рог, зовущий тайну к яви, / Все звонче пел, / И дрогнул мир в лазурной славе, / И день вскипел...» («Древнее сказание») [1, с. 103]. В данном поэтическом контексте сочетание нескольких перифрастических метафор позволяет расширить художественное пространство и представить небо и землю в их взаимодействии. Образ зерна, один из самых любимых образов в поэзии Ю. Балтрушайтиса, проходит через все его творчество. С этим образом связано развитие идеи времени, раскрытие темы художника и отношения лирического героя к окружающему миру.

Другим важным образом библейского происхождения, основанном на метафоре и определяющим направления тематики поэтического творчества Ю. Балтрушайтиса, является образ креста: «И солнце пламенным восходом, / Сверкнет над новою снов и мест... / Лети, пчела, за новым медом! / Прими, невольник, новый Крест!» («Аминь») [1, с. 164]. Метафорический образ креста в данном контексте символизирует не только муки Господни, но и то нелегкое бремя, которое человек призван нести на земле. Иисус Христос знает, какое испытание ждет его, и с готовностью принимает то, что было предначертано его небесным Отцом. Человек в слабости своей с трудом побеждает в своей душе страх перед смертью: «И вот железный крест готов / Давно, давно – / И плачет сердце средь цветов, / Одно, одно» («Элегия») [1, с. 180].

В стихотворениях Ю. Балтрушайтиса, которые относятся к более позднему периоду творчества, происходит дальнейшее развитие образа креста. Лирический герой, обогащенный духовным опытом, с гордостью несет тяжкое бремя земных страданий, с радостью принимая жребий, уготованный для него Создателем: «В тяжбе с собой, с людьми, / Темное сердце, прими / Миг ликования и крест – / *Alea jacta est!*» («*Alea Jacta Est*») [1, с. 241].

Метафора, воплощенная в образе креста, представляется подвижной и динамичной. Развитие образа креста связано с духовной эволюцией лирического героя, чья жизнь в поэзии Ю. Балтрушайтиса уподобляется путешествию. Раскрывая тему жизни и смерти, рассматривая проблему двойственности человеческого бытия, поэт

создает новый образ, основанный на метафоре, – «цветокрест», который в творчестве Ю. Балтрушайтиса символизирует объединение мифологических противоположностей: дня и ночи, начала и конца, радости и горя: «Но как ни горек путь мой ясный, / Я донесу до первых звезд / Живой огонь тоски безгласной, / Скорбь-ликованье, цветокрест!» («Песня») [1, с. 235].

Образ креста является частотным и в творчестве представителей младшего поколения поэтов-символистов. В стихотворении А. Блока «Осенняя любовь» этот образ связан с темой жизни и смерти. Умирает осенняя природа, умирают чувства человека: «Когда палач рукой костлявой / Вобьет в ладонь последний гвоздь, – / Когда пред рябью рек свинцовой, / В сырой и серой высоте, / Пред ликом родины суровой / Я закачаюсь на кресте...» («Осенняя любовь») [3, с. 263]. В стихотворении «Осенняя любовь» А. Блок использует библейский сюжет и библейские образы для изображения душевной жизни лирического героя и жизни природы, созвучной переживаниям человека. Неоднозначен образ креста в стихотворении Вяч. Иванова «Крест зла». Поэт переосмысливает библейский сюжет, согласно которому рядом с Иисусом были распяты еще двое приговоренных к смерти. «Вели с Ним на смерть и двух злодеев. И когда пришли на место, называемое Лобное, там распяли Его и злодеев, одного по правую сторону, а другого по левую сторону» [Лк., 23, 32-34]. По-разному встретили свой смертный час преступники. Один из них нашел в себе силы признать, что он осужден справедливо и ему воздается за его несправедные дела. Этот человек признал в Иисусе Бога, а распятие на кресте принесло раскаявшемуся злодею очищение и искупление его грехов. Другой же злодей не смог достойно встретить смерть и не захотел раскаяться. Видимо, крест, на котором распяли второго злодея, поэт и называет «крестом зла». «Как изрекут, / О братья, / Уста соблазна весть? / И Грех – алтарь распятия, / И Зла Голгофа есть! / Вблизи креста Христова – / Два жертвенных креста...» («Крест Зла») [7, с.161].

Особенности употребления образа креста в поэтическом творчестве А. Белого связаны с убеждением поэта в невозможности

отличить подлинного Мессию от Лжемессии. «Се кричу вдохновенный и дикий: / “Эммануил грядет! С нами бог!” / Но оттуда, где хаос великий, / раздается озлобленный вздох» («Возмездие») [2, с. 82].

Исследовательница Л. Силард считает, что образ Христа в поэтическом мире А. Белого отождествляется с юродивым, а шут выступает как двойник Христа. По мнению исследовательницы, «лирический герой стихотворений А. Белого, отождествляющий себя с пророком, кажется толпе, окружающей его, одураченным безумцем» [10, с. 174]. «Распинайте меня, распинайте, / Знаю – жаждете крови моей! / Пригвожденный к кресту умираю» («Возмездие») [2, с. 83]. В поэзии А. Белого образ креста лишен исцеляющей, очистительной силы: он не может дать лирическому герою успокоения и искупления грехов, не может облегчить его душевные муки. Лирический герой, в личине шута, чувствует желание отъединиться от мира и от людей. Он не нуждается ни в прощении, ни в очищении.

Метафора *жизнь-сеяние* в художественном мире Ю. Балтрушайтиса связана с мотивом умирания-воскресения. Образ зерна часто сочетается с образом таинственного Сеятеля, дарующего жизнь природе и человеку: «У людской дороги, в темный прах и ил, / Сеятель безмолвный тайну заронил... / И вскрываясь в яви, как светает мгла, / Острый листик к свету травка вознесла» (Сказка») [1, с. 220]. В образе Сеятеля, основанном на перифрастической метафоре, легко угадывается Бог – творец мировой гармонии, суть и исток всех явлений. Человек способен лишь угадать неведомую, необозримую силу Творца, и ощутить принадлежность к ней. Лирический герой осторожно прислушивается к миру вокруг себя, пытаясь уловить самые затаенные его созвучия, почувствовать царящую атмосферу первооткрытия и нетронутости: «Так и разрешилось в пурпуре цветка / Все немотство праха, дольняя тоска... / И была лишь слава миру и весне – / Вот что скрыто, братья, в маковом зерне!» («Сказка») [1, с. 220].

Своеобразие художественного мышления младосимволистов во многом определило их отношение к библейским текстам. Представители младшего поколения символистов считали, что задача

искусства заключается в религиозном возрождении человечества, а истинный творец-теург способен превратить искусство в силу, преобразующую и переделывающую мир. Подобное истолкование поэтического творчества было ближе для Ю. Балтрушайтиса, чем литературно-эстетическая позиция В. Брюсова, считавшего символизм литературной школой, а не мировоззрением. «Брюсова привлекали не столько идеи, сколько интенсивность переживания сама по себе, мера его напряженности – количественная сторона», – отмечает Д. Максимов [9, с.50].

Влияние идеалистической философии, мировоззрение пантеистического типа объясняет обилие апокалипсических образов в творчестве Ю. Балтрушайтиса. Образ посоха является особенно продуктивным в стихотворениях, относящихся к более позднему периоду творчества, и видится важным для понимания художественного мира поэта: «В пестром сияньи нивы широкой, / Верю дневному лучу / И, отгоняя тень, без упрёка / Посох железный влачу» («В безмерности») [1, с. 161]. Поэт переосмысливает апокалипсический образ. Ценность человеческой жизни, по мнению поэта, определяет не внешняя деятельность, а духовные действия – внутренние решения, нравственный выбор. Человек, хранящий духовность, верность нравственным заветам, не будет страшиться «железного посоха».

Образ посоха в поэзии Ю. Балтрушайтиса подвижен и многогранен. В стихотворении Ю. Балтрушайтиса «Вечер» посох является не только неотъемлемым атрибутом странствия но и символом горького одиночества человека в земном мире. «Вдоль серой дороги, на темных откосах, / Все глухо почило, молчит... / О камень дорожный один лишь мой посох / В безмолвии мира стучит...» («Вечер») [1, с. 77].

Метафорический план стихотворения «Альпийский пастух» связан с планом реальным. Беспечному, блуждающему по склонам пастуху, посох необходим, чтобы передвигаться по горным тропам, направлять свои стада овец на пастбища. Для него посох – незаменимая вещь, опора и защита. «По склонам их вечным, / С межи на межу, / С напевом беспечным / Я стадо вожу...» («Альпийский пастух») [1, с. 100]. Дальнейшее развитие сюжета стихотворения

вызывает ассоциации с Новозаветным пастырем. Посох в стихотворении «Альпийский пастух» является символом священного предназначения, ради которого Иисус Христос был послан в земной мир. «На светлых откосах / Все глубже мой хмель... / От неба мой посох, / От неба – свирель...» («Альпийский пастух») [1, с. 101]. Образ посоха получает двойное обоснование: он не только является частью изображаемой реальности, но и опирается на культурную традицию, отсылая нас к апокалипсической образности.

Внутренний мир человека, которому в художественном мире Ю. Балтрушайтиса отводится роль странника, соотносится с явлениями внешнего мира. Пантеистические метафоры, основанные на жизни человека и природы, складываются в единый масштабный образ, подчиняясь при этом задаче наиболее полного раскрытия лирического содержания. Рассмотрим метафоры, основанные на параллели жизни человека и природы. В. Дауегите отмечает: «Субъективный взгляд на природу порождает и лаконичные, и самобытные метафоры, основанные на особенном приближении природы и всего космоса к человеку» [6, с. 188]. Метафоры, раскрывающие взаимоотношения человека и природы, в поэтическом мире Балтрушайтиса являются центром стихотворения, направляя и организуя лирический сюжет: «Миг мелькает – день плывет, / Утро сеет – вечер жнет, / Гаснут искорки росы – чередуются часы» («Раздумье») [1, с. 41]. Лирический герой в ранней поэзии Балтрушайтиса стремится найти общий язык с природой, со всей вселенной, стать их неотъемлемой частью. «Простор! Раздолье дикое! / Безмерна глубь небес, / День – таинство великое, / День – чудо из чудес» («В горах») [1, с. 38]. Метафоры, указывающие на единство человека и земного мира, отличаются сжатостью и особой глубиной: «В юном сердце – в знойном небе – / Тишь – сиянье – синева... / Славься, в жизни, каждый жребий! / Звонче, гордые слова!» («Полдень») [1, с. 40].

Важное место в художественном мире Балтрушайтиса занимают метафоры мысли, которые во многих случаях строятся как сравнения без союза: «День – его крики и лица – / Бред обманувшего сна! / Каждая дума – зарница, / Каждая мысль – тишина» («Вечерняя

песня») [1, с. 145]. Абстрактные понятия часто сопоставляются со словами, имеющими предметное значение. В результате слово с отвлеченным значением, оставаясь образно-невесомым, приобретает ясные очертания. «Я в жизни верую в значенье / Молитв, сокрытых тишиной, / И в то, что мысль – прикосновенье / Скорбящих душ к душе родной» («Безмолвие») [1, с. 221]. Метафора воплощает мысль о целительной силе страдания перед лицом несовершенства земного мира. «Безмолвный жрец, я только глухо / Молюсь святыне Бытия, / Где мысль – кадьница моя» («Безмолвие»). Метафоры мысли, легко вписываясь в художественную ткань стихотворения, раскрывают внутреннее состояние лирического героя.

Специфические моменты художественного мышления Балтрушайтиса нашли отражение в воплощении образа времени. В раннем творчестве поэта метафоры, связанные с образом времени, символизируют сосредоточенность, спокойствие лирического героя, жаждущего единения с природой. Именно в природе человек стремится угадать мудрость, конечную оправданность событий. Мудрость природы – невозмутимая, величественная. Мудрость человека – не отрицание противоречий земного мира, но принятие их: «Живую душу всюду ждет / И яркий миг, и светлый год, / И пламя радостных забот, / Хотя б кругом дышал самум, / Везде найдет свободный ум / Живой источник вещей дум» («La Gaja Scienza») [1, с. 36]. Природа – лучший советник и наставник. Человек всматривается в природу, пытаясь познать свои устремления и возможности: «Мой день певуче-безмятежен, / Мой час, как облако плывет, / И то, что вечер неизбежен, / Меня к унынию не зовет» («Беспечность») [1, с. 38].

В стихотворениях, относящихся к более позднему периоду, метафоры времени символизируют хрупкость человеческого бытия, болезненное и трудное вживание в окружающий мир: «Час – как легкая стрела... / Миг в нем – будто два крыла... / Вспыхнул свет, и снова мгла!» («Быстротечность») [1, с. 123]. Так на смену *беспечности* приходит *быстротечность* человеческой жизни. Постепенно метафоры времени становятся конкретнее.

В метафорических образах *время – звон, время – крик, время – кубок, время – факел, время – камень, время – хлеб* находит отражение специфика художественного мышления поэта. Черты историко-социального времени трудно найти в стихотворениях Балтрушайтиса его время это – удары сердца, ритм шагов, звон колокола, бой часов, это – внутреннее, духовное состояние, почти ощущение. Время в художественном мире Балтрушайтиса становится зримо и почти физически ощутимо: «Твой каждый час – что хлеб пшеничный, / И с ним ты крепок, с ним ты – царь... / А мне мой миг – кроха, сухарь» («Вячеславу Иванову в Красной поляне») [1, с. 266]. Образ времени подвижен и динамичен. Развитие образа времени связано с темой Вечности.

Подведем итог. Специфика художественного мышления во многом определила характер образности и особенности словоупотребления символистов. Стремлению к абстрагированию, размыванию значения слова создают благоприятную почву для метафоры. В поэтике Ю. Балтрушайтиса важное место занимают метафоры библейского происхождения. Развитие образов зерна, креста, тернового венца, посоха, наиболее частотных в творчестве поэта, происходит параллельно духовной эволюции лирического героя. В метафорах, построенных на параллели жизни человека и природы, раскрываются особенности мироощущения поэта. Метафоры мысли отличаются афористичностью и глубиной. Они составляют два слившихся воедино ряда явлений – из мира природы и мира человека. Метафора является не только важным выразительным средством, но и композиционным стержнем многих стихотворений поэта. Направления последующих научных поисков могут быть связаны с рассмотрением особенностей выразительных средств контраста в творчестве Балтрушайтиса в контексте русской символистской поэзии.

Литература

1. Балтрушайтис Ю. Дерево в огне. Вильнюс: Vaga, 1983. 319 с.
2. Белый А. Сочинения в 2-х томах. М.: Худ. Лит.1990. Т. 1.703 с.

3. Блок А. Собрание сочинений в 8 томах. Т.1. М.-Л.: Гос. изд-во худ.лит., 1960. 715 с.
4. Брюсов В. Собрание сочинений в 7 томах. Т.1. М.: Худ. лит., 1973. 672 с.
5. Гаспаров М. Л. Поэтика «Серебряного века». Русская поэзия «Серебряного века». 1890–1917. Антология. Москва: Наука, 1993. С. 5—45.
6. Дауегите В. Юргис Балтрушайтис. Вильнюс: Вага, 1983. 324 с.
7. Иванов Вяч. Стихотворения. Поэмы. СПб.: академический проект, 1995. 480 с.
8. Кожевникова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. Москва: Наука, 1986. 252 с.
9. Максимов Д. Брюсов. Поэзия и позиция. М., 1969. 240 с.
10. Силард Л. Андрей Белый. Русская литература рубежа веков. 1890-е – начало 1920-х годов. В. 2-х кн. Кн.2.: М.: ИМЛИ РАН, М.: Наследие, 2001. С. 144—189.

References

1. Baltrushaytis Yu. Derevo v ogne [Baltrushaitis J. The tree on fire]. Vilnyus: Vaga, 1983. 319 s.
2. Belyy A. Sochineniya v 2-kh tomakh [Bely A. Works in 2 volumes]. М.: Khud. Lit. 1990. Т. 1. 703 s.
3. Blok A. Sbranie sochineniy v 8 tomakh [Block A. Collected works in 8 volumes]. Т.1. М.-Л.: Gos. izd-vo khud.lit., 1960. 715 s.
4. Bryusov V. Sbranie sochineniy v 7 tomakh [Bryusov V. Collected works in 7 volumes]. Т.1. М.: Khud. lit., 1973. 672 s.
5. Gasparov M.L. Poetika «Serebryanogo veka» [Gasparov M.L. Poetics of the Silver Age.]. Russkaya poeziya «Serebryanogo veka». 1890–1917. Antologiya. Moskva: Nauka, 1993. S. 5—45.
6. Dauetite V. Yurgis Baltrushaytis [Duetite V. Jurgis Baltrushaitis]. Vilnyus: Vaga, 1983. 324 s.
7. Ivanov Vyach. Stikhotvoreniya. Poemy [Ivanov Vyach. Poems. Poems]. SPb.: akademicheskiiy proekt, 1995. 480 s.
8. Kozhevnikova N.A. Slovouptreblenie v russkoy poezii nachala XX veka [Kozhevnikova N.A. Word usage in Russian poetry of the early XX century]. Moskva: Nauka, 1986. 252 s.
9. Maksimov D. Bryusov. Poeziya i pozitsiya [Maximov D. Bryusov. Poetry and position]. М., 1969. 240 s.
10. Silard L. Andrey Belyy. Russkaya literatura rubezha vekov. 1890-e – nachalo 1920-kh godov [Sylard L. Andrey Bely. Russian literature of the turn of the century. 1890s – early 1920s.]. V. 2-kh kn..Kn.2.: М.: IMLI RAN, М.: Nasledie, 2001. S. 144—189.

Анотація

В.В. Щербина. Метафора у художньому світі Юргіса Балтрушайтіса у контексті російської символістської поезії

У статті розглядається специфіка використання виразних засобів у поетичному світі Юргіса Балтрушайтіса. Тенденція до абстрагування, намагання розмити семантичне значення слова обумовили створення символічних образів та визначили своєрідність використання виразних засобів символістської поезики. Ю. Балтрушайтіс увійшов у літературу, коли вона вже спиралася на досвід старших символістів. Тематика, мотивна структура, образні та стилістичні особливості віршів розкривають особливості художнього мислення Ю. Балтрушайтіса. Мета статті – виявити особливості використання метафори у ліриці Балтрушайтіса та визначити її роль у художньому світі поета. Однакові теми, мотиви та образи постійно повторюються у творчості Балтрушайтіса, не перетворюються на штампи та слугують ознаками своєрідного поетичного почерку. Певне коло переживань та настроїв проходить крізь усю його творчість.

Встановлено, що важлива роль у формуванні основних художніх образів належить метафорі. У художньому світі Балтрушайтіса можна виділити дві групи метафор. Метафори, що належать до першої групи, мають біблійне походження. Розвиток образів зерна, хреста, тернового вінця, посоху здійснюється паралельно духовній еволюції ліричного героя. Метафори, що належать до другої групи, побудовано на паралелі життя людини та природи. Внутрішній світ людини, якій у художньому світі Балтрушайтіса відведено роль мандрівника, зіставляється з явищами зовнішнього світу. Пантеїстичні метафори складаються у єдиний масштабний образ, розкривають життя людини та природи в динаміці та сприяють більш повному розкриттю ліричного змісту поетичних творів. Важливе місце у художньому світі Балтрушайтіса належить метафорам думки, які зазвичай будуються як порівняння без сполучника. Показано, що метафора є не тільки виразним засобом, але й способом композиційної будови віршів.

Ключові слова: метафора, біблійні образи, символ, художній світ.

Аннотация

В.В. Щербина. Метафора в художественном мире Юргиса Балтрушайтиса в контексте русской символистской поэзии

В статье рассматриваются особенности использования выразительных средств в поэтическом мире Юргиса Балтрушайтиса. Тенденция к абстрагированию, стремление размыть семантическое значение слова обусловили создание символических образов и определили своеобразие использования выразительных средств в символистской поэзии. Ю. Балтрушайтис вошел

в литературу, когда она уже опиралась на опыт старших символистов. Тематика, мотивная структура, образные и стилистические особенности стихов раскрывают особенности художественного мышления Ю. Балтрушайтиса. Цель статьи – выявить особенности использования метафоры в лирике Ю. Балтрушайтиса, определить ее роль в художественном мире поэта. Одинаковые темы, мотивы и образы постоянно варьируются в творчестве Балтрушайтиса, не превращаются в штампы, а служат признаками своеобразного поэтического почерка. Определенный круг переживаний и настроений проходит сквозь все его творчество.

Установлено, что важная роль в формировании основных художественных образов принадлежит метафоре. В художественном мире поэта можно выделить две группы метафор. Метафоры, принадлежащие к первой группе, имеют библейское происхождение. Развитие образов зерна, креста, тернового венца, посоха происходит параллельно с духовной эволюцией лирического героя. Метафоры, принадлежащие ко второй группе, построены на сопоставлении жизни человека и природы. Внутренний мир человека, которому в художественном мире Ю. Балтрушайтиса отводится роль странника, соотносится с явлениями внешнего мира. Пантеистические метафоры складываются в единый масштабный образ, показывают жизнь человека и природы в динамике и способствуют более полному раскрытию лирического содержания поэтических произведений. Важное место в художественном мире Балтрушайтиса принадлежит метафорам мысли, которые обычно строятся как сравнения без союза. Показано, что метафора является не только средством выразительности, но и способом композиционного построения стихов.

Ключевые слова: метафора, библейские образы, символ, художественный мир.

Summary

V.V. Shcherbina. The Metaphor in Yurgis Baltrushaitis' Poetic World in the Context of Russian Symbolist Poetry

The peculiarities of using expressive means in Yurgis Baltrushaitis' poetic world are taken into consideration in the article. The tendency to abstract and disperse semantic meaning of a word caused the creating symbolic images and defined the originality of expressive means usage in symbolist poetry. Baltrushaitis came to literature when it had already been based upon the experience of senior symbolists. The themes, motive structure, image and stylistic peculiarities reveal the peculiarities of Baltrushaitis' artistic thinking. The aim of the article is to reveal the peculiarities of lexico-semantic expressive means usage in Baltrushaitis' lyrics and define their role in poet's artistic world. The similar themes,

motives and images constantly vary in Baltrushaitis' poems, they don't turn into clichés and are considered to be characteristics of his specific poetic credo. The same emotions and moods can be seen in all poet's works. It is proved that important role in forming main artistic images belongs to metaphor. Two groups of metaphors can be distinguished in poet's artistic world. The metaphors belonging to the first group are of the biblical origin. The images of corn, cross, black-thorn wreath, stick develop in accordance with lyrical character's spiritual evolution. The metaphors of the second group are based upon the analogies of human life and life of nature. The inner world of a man, who is viewed as a pilgrim in Baltrushaitis' artistic world is compared with the outer world phenomena. Pantheistic metaphors form united huge image, reveal human and nature lives in dynamics and contribute to better revelation of lyric plot. Metaphors of thought occupy important place in Baltrushaitis' artistic world which are usually built as simile without a conjunction. It is shown that metaphor is both the expressive means and the way of composing poems.

Key words: metaphor, biblical images, symbol, poetic world.

Інформація про автора

Щербина Вікторія Володимирівна – кандидат філологічних наук, доцент кафедри філології, перекладу та мовної комунікації Харківської Національної академії Національної гвардії України; пл. Повстання, 3, м. Харків, 61001, Україна; <http://orcid.org/0000-0002-2717-3855>